На правах рукописи

Мухамадиева Диана Маратовна

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРАДИЦИОННОЙ КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ

(на материале русских, татарских, украинских, казахских и немецких колыбельных песен Тюменской области)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

10.02.19 – теория языка

Саратов 2006

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет».

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор *Карабулатова Ирина Советовна*

Официальные оппоненты доктор филологических наук, профессор *Седов Константин Федорович*
кандидат филологических наук, доцент *Федюнина Светлана Михайловна*

Ведущая организация: Волгоградский государственный педагогический университет

Защита диссертации состоится 25 декабря 2006 г. в 13.30 часов на заседании диссертационного совета К-212.239.01 при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права» (5 корпус СГАП, ул. Вольская, 1. к. 616)

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права».

Автореферат разослан «____» ноября 2006г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Т.В. Кирюшкина

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению коммуникативного пространства традиционной колыбельной песни на материале близкородственных и неблизкородственных языков.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Конец XX века был ознаменован значительными переменами и новыми направлениями в изучении языка. Самым важным достижением, на наш взгляд, является переход к антропологической лингвистике, ставший возможным благодаря теории генеративизма Н. Хомского. Ключевым моментом данной теории, применимым к нашему исследованию, является положение о том, что язык предпочтительнее рассматривать как феномен менталитета и человеческой психики. Наш интерес к колыбельной песне обусловлен поиском того механизма, который создает индивидуальность конкретного человека.

В рамках этнолингвистики собственно лингвистические исследования связываются с изучением разнообразных аспектов культуры. В современной лингвистике сложилось несколько направлений в изучении языка и культуры: этнолингвокультурология Н.И. Толстого, этнографические исследования А.К. Байбурина, В.В. Воробьева, П.М. Кожина, С.М. Толстой, Я.В. Чеснокова и др.; изучение языковой картины мира в работах Н.Д.Арутюновой, В.Г. Гака, Ю.Д. Апресяна, В.В. Иванова, А.В. Жукова, Е.А.Земской, В.Н. Телия, В.Н. Топорова, А.Д. Шмелева и др. Активно занимаются исследованием лингвокультурной ситуации такие российские ученые, как Т.М. Дридзе, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.М. Шаклеин, В.А. Маслова и др.

Колыбельная песня, является древним жанром, на это указывает близость колыбельной песни и заговоров (А.Н. Мартынова, М.Н. Мельников), вбирает в себя национальную специфику языка.

Таким образом, предлагаемое исследование находится на стыке фольклористики, этнолингвистики, психолингвистики, коммуникативной лингвистики, невербальной коммуникации.

Актуальность темы исследования заключается в целом ряде моментов. Следует отметить, что феномен колыбельной песни изучался в различных аспектах: фольклористическом, литературоведческом (В.П. Аникин, С.Н.Азбелев, А. Ветухов, Г.С. Виноградов, В.В. Головин, О.И. Капица, С.Ф.Капица, А.Н. Мартынова, Н.М. Мельников, Л.Р. Хафизова, Н.М. Элиаш,); музыкальном (Л.В. Демина, И.С. Карабулатова, Л.Р.Сурметова); лингвистическом (И.И. Архипова, И.С. Карабулатова). Одним из решающих факторов обращения к теме является недостаточная изученность колыбельной песни с позиций лингвистики, психолингвистики в том числе. Интересно, что в то время как колыбельная песня признана лирикой материнства и одним из инструментов педагогического воздействия (В.П. Аникин, А.Н. Мартынова, М.Н. Мельников), практически не исследуется вопрос механизма воздействия колыбельной песни (исключение составляют исследования И.С. Карабулатовой). Поэтому возникает вопрос, каков механизм воздействия колыбельной песни на слушающего, а также каков прагматический аспект колыбельной песни.

Вторая причина обращения к данной теме исследования является не менее важной, но наиболее дискуссионной. Традиционно считается, что колыбельная песня не имеет коммуникации. Например: «Сторонникам теории «дословесной коммуникации» следует заметить, что колыбельная, наоборот, стремится выключить младенца из процесса коммуникации – она его усыпляет» [Белоусов 2005: 221]. На наш взгляд, данное положение можно оспорить. Другое дело, что коммуникативное пространство колыбельной песни действительно имеет свою специфику.

Третьим мотивом актуальности выбора темы является недостаточная изученность колыбельных песен тех этносов, которые проживают в Тюменской области. Например, колыбельные песни татар, казахов Тюменской области, являясь региональным материалом, практически не исследованы. Пионером в решении данной проблемы выступила И.С. Карабулатова, собрав и по возможности обработав колыбельные песни отдельных этносов, населяющих Тюменскую область. В ее монографии «Культура детства Тюменской области: традиции и современность» [2004] дан не только этнопсихолингвистический анализ, но и нотное приложение, что делает эту работу интересной и для фольклористов, и для музыковедов, а также CD-приложение (69 треков), где колыбельные песни даны в исполнении информантов, проживающих на севере и юге области. Те пути, которые намечены в разработках И.С.Карабулатовой, мы продолжаем в своих исследованиях, в том числе и в данной работе.

Объектом настоящего диссертационного исследования являются традиционные колыбельные песни разных народов (русских, украинцев, татар, казахов, немцев), собранные в ходе полевых и кабинетных изысканий.

Предметом исследования является коммуникативное пространство колыбельной песни.

Материалом для исследования послужили колыбельные песни, собранные автором и другими исследователями (Л.В. Деминой, И.С. Карабулатовой, Е.Е. Ермаковой, Г.И.Зиннатуллиной) во время полевых экспедиций по Тюменской области в 1994-2006 гг. (Бердюжский, Вагайский, Викуловский, Ишимский, Сладковский, Сорокинский, Тюменский, Уватский, Ялуторовский, Ярковский районы). Задействованы колыбельные песни, хранящиеся в архиве сектора филологии Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета. Всего 157 текстов, из них русских колыбельных 72, татарских – 64, украинских – 8, казахских – 8, немецких – 5.

Цель исследования - изучение специфики коммуникативного пространства колыбельной песни юга Тюменской области (на примере татарских, русских, украинских, немецких, казахских колыбельных песен).

В соответствии с целью исследования в работе поставлены следующие **задачи:**

- Обозначить границы и аспекты изучения народной колыбельной песни (история вопроса); дать научно-аналитический обзор приоритетных направлений в изучении колыбельной песни как жанра фольклора;

- Дать общую характеристику структуры коммуникативного пространства традиционной колыбельной песни; описать вербальное коммуникативное пространство колыбельной; раскрыть понятие картины мира; сопоставить языковую (концептуальную) картину мира в тюркской (казахской, татарской) и славянской (украинской, русской) и европейской (немецкой) колыбельной песне; выделить основные концепты колыбельной песни;
- Охарактеризовать невербальное коммуникативное пространство колыбельной песни; раскрыть составляющие невербального коммуникативного пространства (голос, интонация, касание); выявить специфику музыкальной составляющей в коммуникативном пространстве колыбельной песни;
- Раскрыть прагматическую функцию колыбельной песни; описать коды колыбельной песни; охарактеризовать суггестивный механизм в колыбельной песне);
- Определить основное содержание этнических и социокультурных стереотипов; установить специфику этнических и социокультурных стереотипов поведения в традиционной колыбельной песне

Теоретической базой исследования послужили работы таких лингвистов-классиков, как Э. Бенвенист, В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Э. Сепир; исследования этнолингвистов: Х.Ч.Алишиной, Л.А.Араевой, А.В.Жукова, Н.И. Толстого, С.М. Толстой; работы ученых, занимающихся проблемами когнитивной лингвистики: Н.Д. Арутюновой, А.Г.Баранова, А. Вежбицкой, А. Зализняк, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, В.И.Шаховского. Также исследования ученых в области коммуникативной лингвистики: Б.Гаспарова, М.Р. Желтухиной, В.И. Карасика, Г.В. Колшанского, А.А.Романова, Н.И. Формановской; работы по языковой личности Ю.Н. Караулова, Т.В.Кочетковой, В.Д.Лютиковой; исследования фольклористов: А.Н. Веселовского, В.М. Гацака, В.В. Головина, О.И. Капицы, Ф.С.Капицы, С.А.Каскабасова, А.Н. Мартыновой, А.Н. Мельникова, исследования специалистов по невербальной семиотике: Г.Е. Крейдлина, А.А. Романова, К.Ф.Седова.

Теоретическая значимость работы связана с дальнейшей разработкой частных проблем коммуникативной лингвистики и онтолингвистики. Результаты работы могут служить теоретической базой для дальнейшего исследования темы, заявленной в диссертации. Кроме того, разработка данной проблемы дает возможность формирования языковой компетентности личности ребенка в различных языковых средах, и, следовательно, вскрыть эти тенденции в развитии коммуникации на разных этапах онтогенеза.

Приемы и методы исследования. Сложный характер объекта исследования и многоаспектность подходов к теме потребовали сочетания различных методик и приемов. В работе использованы следующие общепринятые в лингвистике способы: наблюдение, под которым понимается планомерное и целенаправленное непосредственное восприятие объекта, позволяющее отмечать в предметах и явлениях детали. Метод лингвистического наблюдения был использован при выделении из текста того или иного языкового факта и включения его в систему. Лингвистическая

интерпретация применялась при раскрытии смысла полученных результатов и включении их в существующие теории. При установлении количественных характеристик анализируемого материала использовался количественный прием. Также применены такие методы исследования, как описательный, сравнительно–сопоставительный, классификационный, а также концептуальный анализ. С помощью описательного метода произведена инвентаризация. Сравнительно-сопоставительный метод помог соотнести друг с другом тексты русских и татарских колыбельных песен. Распределить колыбельные песни по тематическим группам позволил прием классификации. Исследование концептов колыбельной песни проводилось при помощи метода концептуального анализа.

Научная новизна исследования. Одним из существенных аспектов научной новизны работы является введение в научный обиход новых фольклорно-этнографических материалов, значительно расширяющих сложившиеся ранее представления о лирике материнства в различных этнических культурах населения Тюменской области. Данный материал может послужить базой для дальнейших исследований не только в области лингвистики, но и фольклористики, и этнографии.

В настоящей работе впервые предпринята попытка исследования коммуникативного пространства колыбельной песни в различных этнических культурах Тюменской области, специфики невербального/ вербального, коммуникативного пространства колыбельной, а именно: рассмотрение картины мира, представленной в колыбельных песнях различных народов, проживающих на юге Тюменской области; выделение основных концептов колыбельной песни, стереотипов поведения этих народов, отраженных в колыбельной песне; выявление этнокультурных кодов региональных колыбельных песен, прагматической направленности колыбельных.

Практическая значимость работы заключается в том, что положения, изложенные в работе, могут найти применение в научно-исследовательской и учебно-педагогической деятельности. Материалы работы могут быть использованы для дальнейшего самостоятельного исследования в курсовых и дипломных работах, кандидатских диссертациях, для разработки лекционных теоретических спецкурсов по общему и сопоставительному языкознанию, региональной лингвистике, этнолингвистике, психолингвистике, онтолингвистике, семиотике, региональной фольклористике.

Содержащиеся в работе новые фольклорно-этнографические источники, а также ее теоретические положения и выводы обладают определенной значимостью для дальнейшего исследования фольклорных традиций Тюменской области, Сибири в целом и сопредельных территорий.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Традиционные колыбельные песни народов, компактно проживающих на юге Тюменской области (русские, украинцы, татары, казахи, немцы), имеют национальную и региональную специфику, которая репрезентируется в языковой картине мира.

2. Картина мира колыбельных песен данных этносов имеет универсальные черты, а именно концептосферу, в составе которой концепты «жизнь - смерть», а также «свой - чужой» являются общими. В условиях тесного межэтнического контактирования общие воспринимаются как свои собственные, а специфические как имеющие региональную специфику;

3. Стереотипы поведения, зафиксированные в традиционных колыбельных песнях, отражают этнокультурные приоритеты, характерные для того или иного народа. Состав стереотипов универсален, восходит к архетипу поведения в человеческом обществе, но имеет свою специфику в содержании, особенно в гендерном аспекте;

4. Коммуникативное пространство колыбельной песни представляет собой совокупность различных форм коммуникаций с использованием различных специфических кодов (вербального, музыкального, тактильно-соматического, паравербального), с помощью которых осуществляется взаимодействие адресанта и адресата речи, происходит передача того или иного содержания от одного сознания к другому посредством языка и других знаковых систем, зафиксированных на материальных носителях. Коммуникативное пространство колыбельной песни особое из-за включенности музыки и телесности; коммуникативное пространство колыбельной песни разворачивается не только от исполнителя к слушателю (ребенку), но и наоборот, от ребенка к исполнителю; колыбельная песня способствует оформлению первой коммуникативной системы протознаков;

5. Коммуникативное пространство колыбельной песни обладает своей спецификой, заключающейся в позиции адресанта; коммуникация происходит в следующих направлениях: а) от взрослого к младенцу (реакция – психофизиологическая реакция последнего); б) от младенца к взрослому (ребенок, не зная слов, т.е. на доречевой стадии развития напевает мотив колыбельной и/или ее рефрен в значении «хочу спать», «уложи спать» и т.п.); в) от старшего ребенка к другому ребенку (более младшему по возрасту); г) от взрослого ко взрослому (чаще всего с психотерапевтической целью, например, во время болезни или во время концертных выступлений);

6. Колыбельная песня идеально соответствует оптимальному развитию коммуникативного поведения ребенка в будущем, тренируя механизмы будущей устной речи маленького человечка: один из которых обеспечивает выход, а второй – вход коммуникативной системы человека;

7. Структура коммуникативного пространства традиционной колыбельной песни содержит невербальное коммуникативное пространство; музыкальное коммуникативное пространство; вербальное коммуникативное пространство; при восприятии колыбельной песни как некоего вербально-невербально-музыкального единства происходит объединение речедвигательного и слухового анализаторов в общий слухоречедвигательный анализатор, служащий психофизиологической основой устной речи;

8. Суггестивный механизм воздействия традиционной колыбельной песни ориентирован, с одной стороны, на усвоение основных культурных ценностей того или иного народа, а, с другой, на стимуляцию освоения языка и речи.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования докладывались на заседаниях сектора филологии Института гуманитарных исследований и заседании кафедры общего языкознания филологического факультета Тюменского государственного университета. По теме диссертации опубликовано 17 работ (из них 15 статей, 1 глава в коллективной монографии и 1 книга в соавторстве), в которых нашли отражение основные положения исследования.

Методика и результаты исследования апробированы в докладах на международной научно-практической конференции «Валихановские чтения - 10» (Кокшетау, 2005), на круглом столе «Университет и гуманитарные проблемы региона» (Тюмень, 2005), на международной научно-практической конференции «Образовательно-инновационная и социокультурная политика в Казахстане: опыт, проблемы и перспективы (Астана, 2005)», на международной научно-практической конференции «Ахановские чтения» (Алматы, 2006), на региональной научно-практической конференции «Сулеймановские чтения – 2006» (Тюмень, 2006), на международной научно-практической конференции «Стеллеровские чтения» (Тобольск, 2006), в научном сборнике г. Калуги (2005) и международном сборнике г. Алматы (2006).

Тема исследования была поддержана грантом РГНФ (коллективный, 2005) и грантом губернатора Тюменской области В.В.Якушева (молодые ученые, 2006).

Структура работы традиционна для научного исследования и состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений. Введение содержит описание актуальности темы исследования, обозначение объекта, предмета, материала исследования, постановку цели, задач, также во введении определяется теоретическая база, приемы и методы, теоретическая и практическая значимость исследования, научная новизна, апробация и общая структура работы. Главы имеют традиционную для работ такого рода структуру, каждая глава состоит из параграфов, подпараграфов и выводов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение в общем характеризует работу, дается краткий экскурс в рассматриваемую проблематику с учетом основных параметров диссертационного исследования.

Первая глава исследования «**Традиционная колыбельная песня: историко-типологический подход»** анализирует сложившиеся научные точки зрения на традиционную колыбельную песню. В рамках этой главы особый акцент делается на рассмотрение этнолингвокультурного феномена традиционной колыбельной песни. Данная глава выполнена в традиционном ключе, здесь дается сложившаяся параметризация колыбельных песен, дана внутрижанровая классификация, показывается образная система и специфика композиции традиционных колыбельных песен разных народов. Существует два взгляда на определение жанра колыбельной песни. Некоторые ученые относят его к взрослому фольклору [Виноградов 1926: 29; Капица 1928]. Другие исследователи считают, что колыбельные песни являются

принадлежностью детского фольклора (М.Н. Мельников, А.Н. Мартынова, Новицкая, Ф.С. Капица, Т.М. Колядич), рассматривая при этом детский фольклор как особую часть народной культуры, которая выполняет важнейшую роль в жизни каждого народа.

Исследование колыбельной песни, как правило, проводилось в различных направлениях, но наибольший вклад в изучение народной колыбельной песни внесли фольклористы. Исследователи изучали художественный мир колыбельной песни (М.Н. Мельников), образную систему колыбельной песни (А.Н. Мартынова, Л.Р. Хафизова), пытались установить период зарождения колыбельной песни (А.М. Новикова, М.Н. Мельников), а также большое значение придавали вопросам классификации колыбельных. Предлагались различные классификации жанра: тематическая, мотивная, сюжетная (А.Н. Мартынова, В.В. Головин). Что касается проблемы исследования регионального материала, то фольклор Сибири изучал в свое время М.Н. Мельников, его работа: «Русский детский фольклор Сибири». Этнопедагогика использует колыбельные песни в качестве материала, описывая методы педагогического воздействия (Г.Н. Волков).

Краткий обзор аналитической литературы по исследованию колыбельной песни как таковой дает нам право утверждать, что прагматическая направленность самой колыбельной (усыпить, успокоить ребенка) направляла взоры ученых на рассмотрение образной системы колыбельной как жанра, оставляя за рамками невербальные и паравербальные компоненты, а также участие ребенка в коммуникации.

Исходя из этого, вторая глава «**Невербальное коммуникативное пространство колыбельной песни»** останавливается на анализе коммуникативного пространства как такового и его отдельных структур. В этой главе приводятся основные подходы к пониманию понятия коммуникативного пространства, определяются составляющие невербального пространства коммуникативного пространства колыбельной песни (музыка, голос, интонация, касания).

Мы исходим из того, что реализация такого языкового явления, как колыбельная песня, происходит в рамках определенного коммуникативного пространства (§1). Как указывает Г.Е.Крейдлин, «невербальная коммуникация людей предполагает настоящий, а не иллюзорный контакт людей и включает в себя много такого, о чем мы, пока прогресс не приручил нас к эрзацу, и не догадывались. Это и взгляд, и молчание, и жест, и гримаса, а главное – еще не открытое некое, но знакомое каждому «биополе», вступив в которое, мы постигаем другого или ненавидим его» [Крейдлин 2005: 12]. Поскольку человек представляет собой целостную систему, состоящую из трех взаимосвязанных уровней – физического, умственного и духовного, изменения на одном из них неизбежно вызывают изменения на других. Исходя из этого, мы полагаем, что коммуникативное пространство включает в себя не только собственно вербальную характеристику общения, но и такие специфические компоненты, «которые стоят за возникновением, развитием и проявлением эмоций», но

которые «практически не исследованы и теоретически плохо осмыслены» [Крейдлин 2005: 17].

Вслед за И.С.Карабулатовой и Л.Ф.Карелиной, мы полагаем, что «само коммуникативное пространство (…) региона складывается из различных лингвокультурных систем, исходя из функциональной составляющей языков общения» [2006: 61]. Это значит, что колыбельная песня лежит в фундаменте последующей языковой деятельности человека во взрослом состоянии благодаря своему мощному суггестолингвистическому потенциалу воздействия на психику индивида. Кроме того, «вся наша языковая деятельность – и создаваемая, и воспринимаемая нами речь – пронизана блоками-цитатами из предшествующего языкового опыта» [Гаспаров 1996: 119]. Иными словами, коммуникативное пространство детского фольклора – это своеобразная ментально-лингвальная игрушка («Детский калейдоскоп», «Конструктор», «Lego», «Пазлы», «Кубик Рубик» и т.п.), где речь выступает одним из компонентов формирования различных форм общения ребенка. Однако в ходе тесного межэтнического контактирования количество этих так называемых компонентов может быть увеличено за счет включения заимствуемых инонациональных элементов как вербального, так и невербального плана (например, обнюхивание маленьких детей родителями-славянами в смешанных браках под воздействием тюркской культуры и т.п.).

Отдельно рассматриваются границы коммуникативного пространства в колыбельной песне (§2). Существует множество работ, признающих самостоятельность и специфичность восприятия мира ребенком [Клявина 2003; Кон 1988; Кудрявцев 1999 и др.]. В целом детская субкультура – это определенное коммуникативное пространство, обладающее рядом признаков и способное удовлетворить все формы общения. Исходя из этого, достаточно правомерно можно заявить, что коммуникативное пространство колыбельной песни существует и обладает специфичными чертами.

Коммуникативное пространство колыбельной песни разворачивается не только от исполнителя к слушателю (ребенку), но и, наоборот, от ребенка к исполнителю. Как справедливо указывает И.Ю.Абелева, «устная речь не смогла бы сделаться основным способом общения людей, не будь в телесном «снаряжении» человека наряду с моторными соответствующих сенсорных устройств для ее приобретения» [Абелева 2004: 69]. Особенно ярко это проявляется в усвоении доречевых навыков в ранний период развития человека, когда, не умея еще сказать слово, малыш напевает мелодию колыбельной песни для того, чтобы дать понять взрослым, что он хочет спать. На наш взгляд, значение мелодии как основы для усвоения языка трудно оценить, тем более что «в современной науке нет еще единства в решении вопроса о характере генетической предрасположенности к языку» [Седов 2004: 16]. Поступательное включение ребенка в речевую жизнь социума проходит под знаком этнического мелоса, способствуя тем самым его эволюции как языковой личности. Иными словами, колыбельная песня способствует оформлению первой коммуникативной системы протознаков, названной Е.И.Исениной протоязыком, которую без труда понимают близкие и родные

ребенка [Исенина 1986]. Однако, как справедливо указывает К.Ф. Седов, эта структура является несовершенной, «ее возникновение и развитие требует дополнительных усилий взрослых, а функционирование» практически находится в прямой зависимости от конкретной ситуации общения [Седов 2004: 17].

По существу колыбельная песня идеально соответствует оптимальному развитию коммуникативного поведения ребенка в будущем, тренируя механизмы будущей устной речи маленького человечка: один из которых обеспечивает выход, а второй – вход коммуникативной системы человека. Мы полагаем, что при восприятии колыбельной песни как некоего вербально-невербально-музыкального единства происходит объединение речедвигательного и слухового анализаторов в общий слухоречедвигательный анализатор, служащий психофизиологической основой устной речи. Вместе с тем не вызывает сомнений, что функциональная связь между моторным и сенсорным механизмами речи динамична. Простой характер колыбельной песни (и музыкальный, и вербальный) способствует самообучению младенца языку на основе подражания и имитации. А суггестивная направленность колыбельной песни способствует, на наш взгляд, тому что «к шестимесячному возрасту в лепете младенцев уже хорошо представлены фонетические особенности языка, на котором говорят окружающие ребенка взрослые» [Седов 2004: 18].

Как видно из приложений, одна и та же колыбельная песня может существовать и в музыкальных, и в текстовых вариантах, поскольку словесный стереотип переиначивает способ моторной реализации, моментально определяемый сиюминутными обстоятельствами. Колыбельная песня исполняется то на твердой атаке, то на мягкой, то с придыханием, то энергично, то вяло, то нараспев, то отрывисто, то скандировано, то с нарочитым педалированием на какой-либо слог, то с «отставкой» слога от соседних. Иными словами, темпоритмическая расстановка слогов внутри слова, его высота и громкость постоянно меняются. Это в свою очередь, «способствует наведению трансового состояния и у баяльщика, и у младенца. Иными словами, музыка носит прикладной характер (§3). В исполнении колыбельной песни так или иначе находит свое выражение наличное состояние человека, его самочувствие, эмоциональный настрой, преднамеренные и непреднамеренные побуждения. Длительность самой колыбельной песни способствует тому, что все перестройки внутренней среды человека (исполнителя) в момент исполнения «выплескиваются» наружу. И тогда в голосе исполнителя звучит вся гамма человеческих чувств: задор, горечь, желчь, истома, упрек, брюзжание, кротость, изумление, упоение, радость, нежность.

Традиционна спокойная манера женского пения колыбельной песни, поскольку это дает возможность ребенку усвоить фонематические эталоны звучащей речи родного языка, и, «слушая пение матери, ребенок приспосабливает свою артикуляционную систему к той, которую он слышит. Лепет замечателен тем, что в это время ребенок пробует себя, насколько это возможно, во всем диапазоне регистра доступных ему звуков. Специфическое

интонирование народной колыбельной песни, основанное на говорении и пении, благодаря наличию двух разных резонаторов, которые обеспечивают статику и динамику в исполнительском аппарате, обладает двумя важнейшими психологическими качествами, чрезвычайно важными для маленького ребенка: членораздельностью и выразительностью. Это имеет огромное значение и для вербального, и музыкального мышления. Мы полагаем, что вербальный и музыкальный коды, действуя внутри целостной структуры колыбельной песни, несут разные, но равнозначимые нагрузки: первая гарантирует узнаваемость речи со стороны и понятность ее для другого; вторая увлекает за собой другого и тем самым оптимизирует его увлечение речью.

Сам стиль исполнения колыбельной песни приводит ребенка к необходимости овладения фонематическим восприятием, основанным на способности распознавать фонемы. Сравни, например, припев в татарских колыбельных «Алли – балли», различающийся только фонемами (нуль фонемы - |б|). Роль колыбельной песни не остается одинаковой на протяжении всей жизни человека, а по мере развития речи в онтогенезе меняется. Мелос и слово, взаимообусловливая и крайне нуждаясь друг в друге на самых ранних этапах, когда речь только зарождается, начинают постепенно обособляться и работать все более и более самостоятельно. Когда речь уже сложилась, т.е. управление ею полностью сформировалось, жесткая необходимость во взаимном соучастии отступает на второй план, и каждый механизм справляется со своими обязанностями уже самостоятельно без непременной поддержки другого. Но там, где нет языковой среды, не разовьется ни фонематический, ни языковой слух в целом. Усваиваемый с раннего детства, язык радикально перестраивает физиологию слуха, нацеливая его прежде всего на речь окружающих, включая ребенка в общую коммуникацию.

Следующий параграф подробно анализирует компоненты невербального коммуникативного пространства колыбельной песни (голос, интонацию, касания). В коммуникативном пространстве колыбельной песни изначально на одном полюсе доступного слуху звучания – крик, на другом – шепот с безграничным количеством промежуточных вариантов. И с течением времени они приходят к центру – рече-голосовому стереотипу, принятому в том или ином этническом сообществе. Например, сдержанная речь татар и эмоционально насыщенная украинцев.

Таким образом, голос, вернее, то, что мы слышим, - это всего лишь верхушка айсберга, именуемого человеческой душой. Колыбельной песне присуща некая интактность, отрешенность, что создается особым психофизиологическим состоянием исполнителя и специфическим интонированием при исполнении. «Просодические элементы языка лингвисты называют паралингвистическими средствами языка, считая их важным компонентом вербальной коммуникации. И хотя лингвисты не оспаривают истину, что «коммуникативный процесс оказывается неполным, если мы отвлекаемся от невербальных средств» [Андреева 1980: 109], однако они отстраняются от того, чтобы сделать невербальные средства объектом языкового анализа, ограничиваясь замечаниями общего порядка. Невербальная

коммуникация, действительно, так неуловима и подсознательна у носителей языка, что вербальный язык в сравнении с невербальным, кажется совершенно механическим и систематическим» [Музычук 2003: 57].

При восприятии колыбельной песни ребенок участвует в коммуникации с исполнителем посредством психофизиологических реакций, одобрительных гулений, подпеваний, считывая эмоциональное состояние/ отношение к нему исполнителя. И наоборот, негативное отношение к ребенку со стороны исполнителя будет провоцировать протестное поведение у малыша. Играя ведущую роль в организации колыбельной песни (напомним, мелодия колыбельной, как правило, построена на 2-3 нотах), интонация регламентирована, как и тон, но, в отличие от последнего, регулируется не столько общими правилами речевого общения, сколько коммуникативным смыслом. Исполнение колыбельной песни, как правило, сопровождается прикосновениями. Характер прикосновений зависит от способа укачивания. Как отмечает Н.В.Дмитрюк, основываясь на экспериментальных данных, люди, «характеризуя тело человека вообще, описывают тело человека своего этноса, указывая на совпадающие качества, т.е. тот прообраз человеческого тела, который предположительно идентичен с архетипом этнического тела» [Дмитрюк 2005: 132]. Таким образом, мы можем предполагать, что описание физического тела в колыбельной песне восходит к архетипу этнического тела, а прикосновения означивают тело ребенка как принадлежащее данному этносу.

Касания (тактильно-соматический код) при исполнении колыбельной песни, выступающие как невербальные средства создания коммуникативного пространства между матерью и ребенком, выполняют следующие функции: 1) успокоения; 2) проявления заботы; 3)создание тактильного контакта.

Иногда прикосновение при исполнении колыбельной песни может быть целительным. Например, при заболевании дыхательных путей, мама может осознанно похлопывать ребенка по спинке в области шеи, делая тем самым массаж дыхательных путей. Таким образом, колыбельная песня с ее тактильно-соматическим кодом воздействия наглядно иллюстрирует, что тело существует во времени и пространстве, в мировом континууме и связано с ним огромным количеством связей, но человек переживает его изменения, собственную жизнь изнутри, и пока оно (тело) есть, существует, оно является лишь тем телом, которому человек принадлежит и которым обладает, и феноменальным образом ощущает и переживает свой телесный опыт.

В ходе исследования колыбельных, мы выделяем следующие коды: вербальный (на уровне лексики и синтаксиса), эмотивный (здесь нас интересует вербальное выражение эмоций), музыкальный (специфика построения, структура, исполнение), паравербальный (экстралингвистические факторы).

Потребность человека в эмоциональном типе коммуникации, обладающей тактической и стратегической направленностью, объясняет «наличие специального эмотивного кода языка и эмотивных средств на всех его уровнях, маркированных специфичной эмотивной семантикой» [Шаховский 1990: 4]. Лексика, используемая в колыбельных разных этносов, обладает в основном внутренним эмотивным потенциалом. Например, колыбельным

песням свойственны следующие ласковые номинации ребенка: а) о**бщие** (йолдызым (тат.), зірочка (укр.), meine Sternche - звездочка моя); б) **этнически обусловенные** (например, у татар: йөрэгемнең узэге - кусочек сердца моего, сандугачым, былбылым – соловей мой; у казахов: менін бауыр – моя душа, букв. «моя печень» и др.). Эмотивность создается в основном с помощью повторов близких по значению слов или синонимов. Таким образом, в качестве объекта этноязыкового кодирования выступают культуроносные смыслы. Код – это система означивания, которая формируется при помощи стереотипов этнокультурного сознания. Кодирование происходит только той информации, которая имеет стратегическое значение. Сохранение ее происходит при помощи ритуала, обряда, традиции. Традиционная татарская колыбельная песня выступает как особое смысловое пространство, сформированное переплетением различных кодов. Эмотивный код языка реализуется в лексике, маркированной эмотивной семантикой.

Вербальное кодирование происходит на уровне (лексики) персонажей колыбельных песен (глава 3). Исходя из этого, важным представлялось дать определение языковой и концептуальной картине мира в разных этнических культурах (§1), определение основных концептов в колыбельной песне (§1.2), общую характеристику этносоциокультурных стереотипы в колыбельной песне(§2), где отдельно рассматриваются сходства и различия в толковании этнических и социокультурных стереотипов, а также гендерное конструирование этнического поведения в колыбельной песне. Прагматика традиционной колыбельной песни также направлена на усвоение предпочтительного этнического гендерного поведения. Несомненно, что творение человеческой судьбы в колыбельной песне неотрывно от традиционных гендерных ролей, которые предпочтительны в той или иной этнокультуре.

Колыбельная песня показывает отношение к девочке/ женщине как к к призу, товару. В традиционных колыбельных для девочек наиболее часто встречаются следующие типы женских образов: а) девочка-ангелочек; б) хорошая хозяйка; в) заботливая мать; г) мудрая мать и жена; д) работающая женщина. Стереотипы представления мужчин в традиционной колыбельной следующие: а) мужчина-охотник; б) мужчина на работе и/или вернувшийся с работы; в) мужчина-мудрец; г) мужчина-воин, герой; д) мужчина-начальник, руководитель. Иными словами, колыбельная песня представляет собой систему координат, в которой происходит собственно индивидуальное конструирование маленького мужчины или женщины. В самой песне налицо идеализация мужского и женского отвлеченных образов как неких этносимволических неизменных начал. Женщина в колыбельных рисуется, во-первых, как биологический воспроизводитель членов этнического сообщества, во-вторых, как воспроизводитель национальных границ, а, в-третьих, как символический хранитель идентичности и чести национальной общности. Однако не следует забывать, что колыбельная песня транслирует этнические идеалы женственности и мужественности, воспроизводя стереотипы гендерного поведения. Например:

Атан сугыш кырында,
Отец на поле брани,
Сынмас кылыч кулында.
Не сломается меч в руке.
Атан мине кыйный, олан,
Отец меня бьёт, сынок,
Син дэ кыйнарсын, олан.
И ты будешь бить.
Атан кайтыр - куй суяр,
Отец придёт - барана зарежет,
Бер ботын сина куяр,
Одну ногу тебе даст,

Гендерные отношения становятся основополагающей базовой и идеологической «сущностью» этнокультуры, которая должна рассматриваться как межпоколенный образ, включающий в себя такие моменты, как частные – семейные, и общественные – межсемейные, а совсем не юридические, экономические, политические и другие социальные отношения. Поэтому мы можем утверждать, что колыбельная песня способствует формированию у ребенка гендерной идентичности, являясь одним из способов ранней гендерной социализации, когда происходит усвоение, интернализация социальных ролей, дифференциация деятельности, статусов, прав и обязанностей индивидов в зависимости от половой принадлежности.

Также отдельно уделено внимание суггестолингвистической характеристике колыбельных песен (§3). Проведенный нами анализ показывает, что суггестия в колыбельной осуществляется по нескольким каналам (вербальному и невербальному), поэтому в начале дается характеристика суггестии как явлению, и лишь затем собственно анализ соотношения вербального и невербального, выполняющих собственно прагматическую функцию (наведение этноязыкового сознания у ребенка, закрепление этносоциокультурных стереотипов). Кроме того, подчеркивается позитивный суггестивный характер традиционной колыбельной песни в целом на психофизиологическое состояние реципиента.

В целом, несмотря на вербальные и невербальные способы кодирования, любой человек в своих коммуникативных проявлениях неповторим, но при всей своей языковой исключительности, «люди в сходных коммуникативных ситуациях часто ведут себя поразительно одинаково (…). Носитель языка как бы фокусирует в себе черты «коллективных языковых личностей»» [Седов 2004: 86].

В заключении приводятся основные выводы, сделанные в результате данного диссертационного исследования. В приложениях содержатся анализируемые тексты колыбельных песен.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

<u>Монографии</u>

1. Мухамадиева, Д.М. Знахарь в тюркской и финно-угорской традиции / Д.М. Мухамадиева // Живая традиция заговора Сибири: сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики / под ред. Карабулатовой И.С. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2005. – С.275-304.

2. Карабулатова, И.С. Золотая колыбель: традиционный детский фольклор сибирских татар юга Тюменской области (функционально-коммуникативный подход). / И.С. Карабулатова, Д.М. Мухамадиева, - Тюмень: ИПЦ «Сити-пресс», 2006. – 218с.

Статьи

3. Мухамадиева, Д.М. Образы татарских колыбельных песен / Д.М. Мухамадиева // Сулеймановские чтения – 2004: Материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции. – Тюмень, 2004. - С.44-50.

4. Мухамадиева, Д.М. Традиционная культура детства сибирских татар в полиэтничном регионе / Д.М. Мухамадиева // Модернизация образования в условиях глобализации: Материалы Круглого стола «Университет и гуманитарные проблемы региона». – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. – С.152-154.

5. Мухамадиева, Д.М. Классификационный граф русских и татарских колыбельных песен / Д.М. Мухамадиева // Валихановские чтения – 10: Материалы 10 Международной научно-практической конференции: в 13 т. Т. 13. – Кокшетау, 2005. – С.182-188.

6. Мухамадиева, Д.М. Духовные образы в традиционной татарской колыбельной песне / Д.М. Мухамадиева // Диалоговое религиоведение в современной школе: проблемы статуса, образовательной стратегии и тактики: Материалы Круглого стола. – Тюмень, 2005. – С.56-58.

7. Мухамадиева, Д.М. Роль культуры детства в этнической самоидентификации личности / Д.М. Мухамадиева // Образовательно-инновационная и социокультурная политика в Казахстане: опыт, проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-теоретической конференции. – Астана: Изд-во Евразийского гуманитарного и-та, 2005. – С.134-136.

8. Мухамадиева, Д.М. Этноязыковой код в традиционной сибирско-татарской колыбельной песне / Д.М. Мухамадиева / Этнокультурное пространство региона и языковое сознание: Материалы научно-практической конференции. – Тюмень, Изд-во ТюмГУ, 2006. – С.70-75.

9. Мухамадиева, Д.М. Культура детства как способ наведения этнического сознания на ребенка / Д.М. Мухамадиева // Раннее детство в современном мире. Философский, медико-социальный, психологический анализ. Конкурс социальных технологий и научных исследований им. Е.М. Мастюковой: Сборник научно-методических материалов. – Калуга, 2005. – С.62-67.

10. Мухамадиева, Д.М. К вопросу о внутрижанровой классификации колыбельных песен (на материале русских и татарских песен Западной Сибири) / Д.М. Мухамадиева // Актуальные проблемы современного литературоведения и фольклористики: Научный сборник. Вып.3. – Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2006. – С. 170-175.

11. Мухамадиева, Д.М. Колыбельная песня как фактор формирования этнической идентичности / Д.М. Мухамадиева // Ахановские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции. – Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2006. – С.96-105.

12. Мухамадиева, Д.М. Коммуникативное пространство колыбельной песни / Д.М. Мухамадиева // Валихановские чтения – 11: Материалы 11 Международной научно-практической конференции: Т.4. – Кокшетау, 2006. – С.134-136.

13. Мухамадиева, Д.М. Основные концепты колыбельной песни // Духовная культура русской словесности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. – С. 68-73.

14. Мухамадиева, Д.М. Стереотипы поведения в русских и татарских колыбельных песнях / Д.М. Мухамадиева // Сулеймановские чтения – 2006: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: Экспресс, 2006.С. 140-145.

15. Мухамадиева, Д.М. Своеобразие картин мира в колыбельных песнях (на примере народных немецких, русских, татарских колыбельных песен) / Д.М. Мухамадиева // «Aus Sibirien – 2006»: научно-информационный сборник. Материалы III Международной научно-практической конференции «Стеллеровские чтения». – Тюмень: Экспресс, 2006. – С.52-60.

16. Мухамадиева, Д.М. Особенности невербального и вербального кодирования в колыбельной песне (на примере русских и татарских колыбельных песен) / Д.М. Мухамадиева // Вестник ТюмГУ, №7. - Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. - С.139-143.

17. Мухамадиева, Д.М. Коммуникативное пространство детского фольклора сибирских татар: к постановке проблемы / Д.М. Мухамадиева // Тумашевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. - С. 78-83.

Подписано к печати 17.11.2006 г.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура Arial Narrow. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии издательства
ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»
410056, Саратов, ул. Чернышевского, 135.